

Глава 2: Где сердце?

Хотелось сорваться с места, подбежать и броситься в объятия, но Тоя вспомнил о чашке в руках Тору и сдержался. Делать нечего — он достал с полки маленькую тарелочку, поставил на стол, взял бутылочку соевого соуса и подставку для палочек.

Когда Тору расставил обе чашки, они вместе уселись на стулья.

Сложив ладони, они хором произнесли «итадакимасу» и приступили к еде.

— Тоя, что будем делать после еды?

Тору бросил на него быстрый взгляд. Тоя неторопливо прожевал всё, что было во рту, и проглотил.

— ...Ну, завтра же соревнования у Акаги.

— Завтра.

— Вот-вот. Тогда... а, надо бы за покупками сходить. Моющее средство ведь уже закончилось?

Он задумался, не выпуская палочек из рук. Тору склонил голову набок.

— Мы же три дня назад за ним ходили. Забыл?

— Да разве?..

Тоя вонзил палочки в кусочек лосося на своей тарелочке и разделил его. Уже поднеся ко рту прожаренный до хрустящей корочки кусочек, он вдруг вернул его обратно в тарелку.

— Странно.

— А... ну да, как-то так. В последнее время это всё чаще случается.

Тоя умел досконально запоминать всё, чему их учили на уроках, и сам по себе редко что-либо забывал. Тору всегда считал, что тот забывает только потерянные вещи да то, что хочет забыть. Почуввав неладное, Тору ощутил тревогу.

— Тоя, после еды ходим в филиал учреждения Аматерасу.

— А? Ага, хорошо.

Раз уж так решили, Тоя ускорил движение палочек. Тору пристально смотрел на него. Тоя, заметив это, наклонил голову — мол, в чём дело?

— Да нет, ничего.

В улыбке Тору промелькнула тень, и Тоя почувствовал что-то неладное, но спрашивать не решился и промолчал. Маринованный овощ, который он раскусил, показался ему до странности горьким.

(Что-то... у меня нехорошее предчувствие.)

Закончив есть, они поднялись. Тору отправился заниматься стиркой, а Тоя — мыть посуду. Взбивая губкой пену и отмывая тарелки, Тоя боролся с неясной, беспредметной тревогой.

— Развесить можно завтра, да?

— А? А, да!

Глядя сверху на Тою, ответившего тусклым, лишённым бодрости голосом — мол, думаю, можно, — Тору прикусил губу и нахмурился.

— Всё хорошо, Тоя.

Он положил руку Тое на плечо, притянул к себе и крепко обнял.

— Что бы ни случилось, у тебя есть я.

Правая рука легла на плечо Тои, левая — на талию; Тору уткнулся лицом ему в шею, и у Тои на глазах выступили слёзы.

— Ладно.

— Я защищу тебя.

Тоя обхватил Тору за спину и тоже прижался к нему. Глубоко вдохнув, он вобрал в себя запах Тору. Приятный аромат.

(Настоящий — лучше, чем от рубашки.)

Тое хотелось бы оставаться так вечно, но Тору вдруг приподнял его подбородок. Не успел Тоя что-либо сообразить, как его рот накрыли. Губы Тору тут же отстранились, и Тоя, так и не успевший сомкнуть веки, посмотрел на него.

— Уже всё?

— Нет...

— Мне всё это время хотелось.

Тоя провёл пальцами по груди Тору и ухватился за ткань. Не понимая, что значит «всё это время», Тору склонил голову набок.

— С тех самых пор, как ты переоделся и вернулся. Всё это время.

— С того самого момента?

Тоя обвил руками шею Тору, прижался к нему и соединил их губы. Мягкие губы Тору дарили приятное ощущение.

Даже после долгого, неторопливого поцелуя чувство не улеглось. Хочется ещё, хочется Тору всё больше и больше — жадное желание поднималось из самой глубины души.

Когда Тоя посмотрел на Тору затуманенным жаром взглядом, губы того мягко разомкнулись в улыбке.

Лёгкий, чмокающий звук — их губы снова встретились, а затем язык скользнул по верхней губе Тои.

— Ты можешь делать это когда захочешь.

— Когда захочу?

— Да. Ведь я принадлежу тебе.

В груди у Тои медленно разлилось тепло. Имя ему — счастье, и оно полностью завладело всем его существом.

— Да!

Тоя впился в него поцелуем. Своими губами он раздвинул губы Тору и языком отыскал его язык.

— М-м, м-м-м... ах.

Из горла вырвался гнусавый стон, но он всё равно сплёл свой язык с найденным языком Тору и принялся посасывать его. Тору тоже положил руки на талию Тои и начал её ласкать. Словно отвечая на его желание, поцелуй становился крепче и яростнее.

— Ах!..

Рука Тору скользнула под край футболки и задела сосок Тои. Холодная ладонь украла у Тои тепло. Когда Тору надавил большим пальцем на чувствительный сосок, Тоя густо покраснел.

— Эй, э-эй... ах!

Другой рукой Тору обхватил его затылок и снова закрыл ему рот. Хотелось возразить, но не получалось. Тору кончиком языка щекотал ему нёбо, коротко остриженным ногтем легонько, покалываяще поскребал всё округло выступающий сосок, и Тоя растерялся от этого удовольствия.

(Приятно...)

Поцелуи — настойчивые, требовательные; поскрёбывание и лёгкое потягивание затвердевшего соска... Постепенно сознание начало затуманиваться. Когда их губы разъединились, между ними протянулась прозрачная нить.

— Тору.

Тоя посмотрел на него снизу вверх влажными глазами, и Тору окутал его мягкой улыбкой. Но в тот самый миг, когда Тоя увидел эту улыбку, он почувствовал, как жар в его груди начинает остывать.

Тору — красивый. Кажется, будто к нему нельзя прикасаться. Подумав так, Тоя решительно упёрся руками ему в грудь.

— Пора уже идти. А то вернёмся поздно.

— А, а-а... Да, верно.

С чувством сожаления, чтобы выйти из дома, они оба отодвинулись друг от друга.

— Тогда через десять минут — у входа.

— Да.

Тору кивнул и уже собирался подниматься по лестнице, но Тоя схватил его за руку и остановил.

— Что такое?

Тору, которого удержали, посмотрел на Тою, и тот замялся:

— Ну-у...

— То, что было сейчас, — я не потому остановил, что мне не понравилось.

— А?

— Приятно было, да и... как-то... было очень-очень счастливо. Мне правда было хорошо.

Тоя взял обе руки Тору в свои и честно высказал всё это. Лицо Тору расцвело. Он, конечно, и не сомневался, но от такого открытого, прямого признания на душе стало спокойно.

— Так что давай ещё.

Тору поцеловал Тою и обнял его. Сердца, которые все эти дни только и делали, что расходились друг с другом, наконец-то вновь наполнились и снова забились в унисон.

— Да, давай.

<http://bllate.org/book/18050/1733668>